

«МОСКВА — ТРЕТИЙ РИМ»:

реалии и жизнь мифа

Владимир КАНТОР

Начну свой текст с относительно недавней истории. В 2008 году я 4 месяца работал в Таллинском университете по гранту Юрия Лотмана. Вдруг мне звонит ректор университета Рейн Рауд и говорит: «Владимир, прошу тебя прийти на сегодняшний доклад. Турецкий профессор выступает с темой “Стамбул — третий Рим”. Кроме тебя, ответить никому». Я пошел, говорили мы по-английски, но темы были уж очень интимные как для России, так и для Турции. Название меня поразило. Сколь, оказывается, живучи мифы и как могут они транслироваться в другую вроде бы культуру, меняя свою исходную установку.

Идея турецкого профессора имела два основания: 1) Вокруг Константинополя уже были поля, которые обрабатывали турки-сельджуки, так что падение Константинополя было лишь вопросом времени; 2) Если идея империи имеет в основании монотеистическую религию, то почему ислам хуже, чем христианство?

Вступать в конфессиональный спор в данном случае было бессмысленно. Я только заметил, что существует «гений места», в данном случае в роли такого гения места выступает Константинополь, который считается центром Европы, не случайно Константин возводил здесь свою столицу. Существовал, как известно, проект Екатерины Великой о создании «Великой Греко-Российской Восточной Державы»,

которую она прочила своему внуку Константину — тоже со столицей в Константинополе. Надо сказать, что о «византийском наследстве» начали говорить положительно со времен Екатерины, когда сквозь Византию разглядели античную Грецию — родоначальницу европейской культуры. Поэтому именно Турция, а не Россия сейчас претендует на вступление в ЕС. Однако идея, миф «третьего Рима» — это не только мечта об империи, а **мечта о спасении христианства**. Вот это я и хотел бы подчеркнуть. Если этого не понять, то появление этой идеологии будет воспринято не в том ключе, как некий анахронизм в духе постмодернизма. Отвечал и вспомнил строчки Максимилиана Волошина:

*И здесь, как муж, поял ее Ислам:
Воль Азии вершитель и предстатель —
Сквозь Бычий Ход Махмут-завоеватель
Проник к ее заветным берегам.
И зачала и понесла во чреве
«Русь — третий Рим» — слепой и страстный
плод:
Да зачатое в пламени и в гнев
Собой Восток и Запад сопряжет!*

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА. ЕВРОПА

Что это значит? Что ислам породил идею «третьего Рима»? Очевидно, нет. Но влияние его как явного вызова (по Тойн-

би) очевидно. Идея «третьего Рима» как раз и была ответом на вызов ислама. Идея «третьего Рима» возникает как результат завоевания исламом Византийской империи, последнего ее оплота — Константинополя. Оба Рима (имеются в виду Древний Рим и Византия. — .) пали под ударами варваров. Разница была лишь в том, что западные варвары были христианами. Для византийцев же западное варварство увеличивалось конфессиональными противоречиями. В результате на религиозное несогласие наложилась еще и схизма, наложилось и завоевание Константинополя крестоносцами, неудача Флорентийской унии, а затем неудача, когда посланные на помощь Константинополю западные рыцари не смогли отстоять великий город. Тем самым Ферраро-Флорентийский собор и его решения ушли в небытие. Любопытно, однако, что после падения «Царьграда» византийцы кинулись в Италию и многое принесли на Запад: знаменитый Плетон Гемистот, возродивший Платоновскую Академию, появление православного изобретения — органа, ушедшего из православия и ставшего меткой католической церкви. Ислам, прибрав к рукам «второй Рим», активизировал мысль балканских славян, начавших примерять к себе идею «третьего Рима».

Конечно, начинается с того, о чем не раз писали русские историки (П.Н. Милюков и др.), что к московскому князю применяются понятия и идеи, установившиеся относительно южнославянских государей. Цитирую Милюкова: «Программа для Москвы, новой наследницы Царьграда, была во всех главных чертах намечена югославянскими прецедентами. Намечена была тогда же и там же и самая идеология, пригодная для Москвы в ее новом положении»¹. Как полагает Милюков, о Новом Царьграде, т.е. о «третьем Риме», мечтали южные славяне, готовя на эту роль град Тырнов. После явного проигрыша южных славян византийцам, потом византийцев и самих южных славян — туркам их интерес перемещается на восточнославянские земли, к Москве. Один духовный писатель (серб Пахомий) даже влагает в уста самого греческого царя Иоанна Палеолога признание за московским государем царского титула — вместе с объяснением, почему тот его еще не носит официально. В Москве, по этому мнимому заявлению византийского императора перед Флорентий-

ским собором, сохраняется «большее православие» и «высшее христианство».

Затем на московского князя переносятся все предсказания и пророчества. Согласно преданиям, все знамения сбываются, и «русский род всего Измаила победит и Седмихолмный возьмет, и в нем воцарится»². Таково начало русской исторической миссии, связанное к тому же с женитьбой московского князя на племяннице последнего византийского базилиуса (имеется в виду Иван Великий, второй женой которого была Софья Палеолог. — *Ред.*). Однако добиваться каких-либо — осуществления легендарных или юридических прав на Константинополь — во все не входило в задачи московской политики, тем более что легенда связывала это событие с последними временами (наступление их ожидалось тогда уже в конце XV в.). Даже называлась дата — 1492 год — как дата всеобщего «конца света». На Руси глубоко и всерьез переживали грядущую гибель Вселенной, ожидая второго пришествия Христа. Как замечал Н.И. Ульянов (эмигрант из СССР второй волны) в своей знаменитой статье «Комплекс Филофея» (1956), именно «в такой психологической атмосфере зарождалось на Руси учение о третьем Риме»³. Надо учесть и общественно-историческую ситуацию, связанную с политическим и военным ослаблением южных славян, мешавшую им и помогавшую России. Балканы захвачены турками, исламом. И только Москва, как им казалось, хранит истинное православие. Вот его то и надо спасти.

Чтобы долго не пересказывать сюжет, сошлюсь на размышления современной исследовательницы М.С. Киселевой, с которой я во многом согласен: «После падения Константинополя и завоевания православных земель Османской империей лишь Русь могла претендовать на роль духовного центра всего православного мира. Византийская традиция соединения церковной и царской власти должна была быть переработана в национальных интересах государства, способного выполнить эту новую для него роль. Старые идеи о божественном происхождении власти вообще, и царской и княжеской, продолжали крепить государство, но Москва нуждалась в более детальном обосновании своих прав, в котором были бы в равной степени оправданы и ее экспансия на русские княжества, и ее новое

положение в мировой истории. Почти столетие потребовалось русским книжникам, чтобы разработать во всех подробностях национальный миф, подтверждающий божественные и исторические права Москвы и московских самодержцев на господство во всем православном мире. Историчность новому мифу можно было придать, связав его с уже прожитой историей, с древними временами, включив в новые сюжеты примеры из начальной истории Руси. Но не только русская история нужна книжникам для выполнения этой задачи. Византийская древность — начальные века христианства также необходимы для создания нового мифа. <...> Русь представлена как оплот православия, а московский великий князь оказывается верховным блюстителем православной церкви, каким ранее был византийский император. <...> Московские власти постарались как можно быстрее закрепить идею о Москве (а не Константинополе!) как оплоте истинной веры и источнике благочестия. <...> Москва расширяла свои владения, по мере этого процесса креп и национальный миф. Скажем, покорение Василием III Пскова дало неожиданные результаты идеологического порядка. <...> Неожиданностью были не оппозиционные настроения псковичей, они-то как раз понятны. Неожиданным среди этих исторических событий были идеи, развиваемые в посланиях старца и игумена псковского Елеазаровского монастыря Филофея. Уже в «Первом послании Василию III», написанном около 1514-1521 годов, Филофей формулирует идею, позволяющую псковичам, да и не только им, но и всем другим княжествам, подчиненным Москве, несколько иначе взглянуть на завоевателя. Дело в том, что именно Филофей формулирует идею «Москва — третий Рим». В одном из последних посланий Филофея псковскому дьяку Михаилу Григорьевичу (Мисюрю) Мунехину — на звездочетцев (1523 или 1524) эта идея разрабатывается в полемике с Николаем Булевым, астрологом и врачом при дворе Василия III, немцем из Любека и католиком, который утверждал, что первенство в христианском мире принадлежит католическому Риму. Библейские познания позволили Филофею взглянуть на Москву, так сказать, не из Пскова, увидеть в ней место, где находит свое завершение земная история (первый Рим погиб от руки варваров,

второй, Константинополь, от турок, третий же, Москва, пребудет истинным центром христианства — ибо православие превосходит латинскую веру — до скончания веков), позволяли не только примириться с подчинением Москве, но и видеть в этом промысел Божий, осуществление христианской истории в Московском царстве. Библейская версия мировой истории приобретает характер национального мифа, насыщенной идеологемы, по форме же своего исполнения является книжным повествованием, нарративом с провидческим оттенком»⁴.

Обычно эту концепцию воспринимают как выражение московского изоляционизма, наподобие болгарского. Я бы назвал ее скорее *извращенным европеизмом*. Вчитаемся в послание старца Филофея (автора этой концепции) великому князю Василию: «Старого Рима церковь пала по неверию ереси Аполлинария, второго же Рима, Константинова града, церковные двери внуки агарян секирами и топорами рассекли, а эта теперь же третьего, нового Рима, державного твоего царства святая соборная апостольская церковь во всех концах вселенной в православной христианской вере по всей поднебесной больше солнца светится, — так пусть знает твоя державность, благочестивый царь, что все православные царства христианской веры сошлись в едином твоём царстве: один ты во всей поднебесной христианам царь. И следует тебе, царь, это блюсти со страхом Божиим»⁵. Иными словами, Московская Русь в данном случае выступает в качестве ковчега, спасающего, укрывающего в себе христианский мир. Если же учесть, что в Средневековье христианский мир все-таки отождествлялся именно с европейской цивилизацией, то становится понятным, что, назвав себя третьим Римом (Римом! а не Стамбулом, не Сараем, не Багдадом, не Самаркандом), Москва равнялась на Европу, на ее тогдашний центр, полагая себя наследницей и правопреемницей «христианской Европы». Можно даже найти некую перекличку с идеей Ортеги-и-Гассета, объявившего Латинскую Америку ковчегом, в котором будут сохранены ценности европейской цивилизации. И в том, и в другом случае речь идет о маргиналах, не выступающих *против*, а, наоборот, желающих *стать*, желающих *быть центром* Европы, даже если для этого придется не признавать реальную европейскую жизнь,

считать ее клонящейся к упадку и закату. Ибо, если бы не было этого «упадка», то ни к чему был бы ковчег и спаситель.

А ковчег необходим, поскольку мировую ситуацию Филофей видит довольно эсхатологически. Он заявляет об «очевидной» для него гибели христианства на Западе, ибо католики, латиняне для него — лжехристиане: «Девяносто лет, как греческое царство разорено и не возобновится: и все это случилось грехов ради наших, потому что они предали православную греческую веру в католичество. И не удивляйся, избранник Божий, когда католики говорят: наше царство романское нерушимо пребывает, и если бы [мы] неправильно веровали, не позаботился бы о нас Господь. Не следует нам внимать прельщениям их, воистину они еретики, по своему желанию отпавшие от православной христианской веры, особенно из-за службы с опресноками. Были с нами воедино семьсот лет и семьдесят, а отпали от правой веры семьсот и тридцать пять лет тому назад, в ересь Аполлинария впали, прельщенные Карлом-царем и папой Формозом»⁶. Реального Запада он не знал, повторяя византийские инвективы. Не знал церковных проблем своего времени. Но именно поэтому Москва воспринималась им как спасительный ковчег, в котором спасутся все христианские церкви...

По справедливому наблюдению Н.И. Ульянова, русские в концепцию Москвы как третьего Рима не вкладывали политического содержания, они спасали христианство: «Нетрудно заметить, что югославянская версия значительно отличается от версии Филофея; она насквозь политична и проникнута не церковными, а государственными устремлениями. Это вполне понятно: возникла она на почве национально-освободительной борьбы, а не на основе святоотеческой литературы о конце мира. Но, несмотря на весь эффект, произведенный Пахомием, Русь не приняла ее в таком виде, в каком она выступает у сербов и болгар. На примере того же Филофея видно, что русские книжники восприняли ее более углубленно и в чисто религиозном плане. Мотив же государственной мощи и патриотического бахвальства не привился»⁷. Как бы ни приписывали потом русские мыслители и западные советологи Филофею великие государственные замыслы на всемирное господ-

ство, он думал лишь о спасении православия, которое для него было равно христианству. Любопытен европейский контрапункт писем Филофея. Именно в эти годы, когда он писал свои письма, в Германии шла реальная борьба с Римом. Создавал свои статьи и книги, переводил на немецкий язык Библию Мартин Лютер, обвинявший Рим в разврате и всяческих пороках. В 1517 году он вывесил на двери Замковой церкви в Виттенберге свои знаменитые 95 тезисов, с которых началась Реформация. Филофей же, как мы знаем, даже отдаленно не задумывался о таких проблемах, как Лютер.

Что же значит его письмо Московскому князю Василию III? Письмо, которое он начинает с явной лести, называя князя царем (за этот титул, кстати, еще будет бороться Иван Грозный). Дальше некуда. Победоносному исламу противостоит только Москва как третий Рим. Что же смущает старца? Откуда тревога? В центре письма три тревожных пункта. Но переходит он к ним не сразу. Поначалу он требует отказаться от сребролюбия: «И следует тебе, царь, это блюсти со страхом Божиим, убойся Бога, давшего тебе это, не надейся на золото, и богатство, и славу: все это здесь собирается и здесь, на земле, останется. Вспомни, царь, того праведного, который, скипетр в руке и царский венец на своей голове нося, говорил: “Богатству, что притекает, не отдавайте сердца”; и сказал премудрый Соломон: “Богатство и золото не в сокровищнице познается, но когда помогает нуждающимся”; апостол же Павел, им следуя, говорит: “Корень всякому злу — сребролюбие”, — не велит отказаться, но не возлагать надежды и тем более сердца на него, но уповать на все дающего Бога. Ибо вся твоя к Богу чистая вера и любовь — к Божиим святым церквам; да и еще, царь, соблюди две заповеди»⁸.

Какие же? Он начинает не с главного, ибо главная — третья:

1. «В твоём царстве не осеняют люди себя правильно знамением святого креста»⁹. По тем временам — грех немалый, но преодолимый хорошими наставниками. Беда, что наставников нет. И это следующая проблема.

2. «Второе: наполни святыне соборные церкви епископами, пусть не вдовствует святая Божия церковь в твоё царствование! Не преступай, царь, завета, что положили твои предки —

великий Константин, и блаженный святой Владимир, и великий богоизбранный Ярослав, и другие блаженные святые, того же корня, что и ты. Не обижай, царь, святых Божьих церквей и честных монастырей, как данных Богу в наследство вечных благ на память последующим родам, на что и священный великий Пятый собор строжайший запрет наложил»¹⁰. Надо сказать, что проблема малого числа священнослужителей в русских церквях дожила до XIX столетия. Существовали жалобы на то, что один священник обслуживает слишком большое пространство, что ему не хватает ни времени, ни сил для полноценного исполнения своих обязанностей. Скажем, Н.С. Толстой, троюродный брат писателя Л.Н. Толстого, поветлужский помещик, оставил свои записки, относящиеся к середине девятнадцатого века. Я нашел их в маленькой библиотеке села Богородское в начале 1980-х и сделал выписки. Привожу одну из них: «О невыгодах местности нашей в отношении религиозном скажу, что расколы, старообрядства, лесные скиты или схимы и, наконец, совершенное безверие, заменяемое странными повериями, предрассудками и даже чем-то похожим на идолопоклонство, все происходит от местности. <...> В смертных случаях душа умирающего жаждет утешения духовного, успокоения совести. А — реки разлились! А — церковь за 40 верст! Болота распустились!.. Дороги не проезжимы!.. Духовника не будет!.. Причастия тоже!.. Пронести его нет никакой возможности, — и больной умирает без покаяния душевного!»

Отсюда, разумеется, шла и другая проблема — оторванность от духовных центров, низкий интеллектуальный уровень священнослужителей. Знаменитый русский публицист Михаил Катков в начале 1870-х, говоря о необходимости того, чтобы «в наших церковных учреждениях пробудился дух жизни»¹¹, писал о низком уровне православных пастырей в русской Церкви: «Церковь Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста почти утратила в нашей заглохшей среде дар учения и проповеди. <...> В нашем духовенстве иссякло даже знание тех языков, которые полагаются везде в основу умственного образования»¹². А потому «сама паства нашей Церкви имеет вид только как бы приписанных к ней населений. Громадное множество народа находится в со-

вершенно внешних к ней отношениях, чуждое всякого, хотя бы поверхностного разума ее оснований, пребывая во тьме и коснея в грубейших суевериях»¹³. Как видим, религиозные проблемы, намеченные Филофеем, оказались слишком живучими.

Но было еще и то, о чем трудно говорить, но о чем Филофей пишет с откровенным простодушием: видимо, эта проблема зашкаливала. Он называет самое страшное, именую почти апокалиптический грех, тот, за который Господь уничтожил два города — Содом и Гоморру. То есть Россия на грани истребления Божиим гневом.

3. «О третьей же заповеди пишу и с плачем горько говорю, чтобы искоренил ты в своем православном царстве сей горький плевел, о котором и ныне еще свидетельствует серный пламень горящего огня на площадях Сodomских, о котором пророк Исайя, рыдая, повествовал: “Вслушайтесь в слово Божие, князья Сodomские, и воспримите Божий глагол, люди Гоморры: “Что мне жир жертв ваших и подношений ваших, переполнен я всежжениями. И если принесете мне кадило — мерзко мне это, и праздники ваши ненавидит душа моя!” Так пойми, благочестивый царь, что пророк не мертвым, уже погибшим содомлянам такое говорил, но живым, творящим злые дела. Ибо сказано: “Изменяющий жене разрывает плоть свою, но творящий содомский блуд убивает плод своего чрева”. Бог сотворил человека и семя в нем для рождения детей, а мы сами свое семя убиваем и отдаем в жертву дьяволу. И мерзость такая преумножилась не только среди мирян, но и среди прочих, о коих я умолчу, но читающий да разумеет. Увы мне, как долго терпит Милостивый, нас не судя!»¹⁴.

Если же царь не обратит внимание на этот грех, не осудит его и не справится с ним, то Руси не быть. Вот плач Филофея. Ведь если падет и третий Рим, ПОСЛЕДНЕЕ ХРИСТИАНСКОЕ ЦАРСТВО, то четвертому взяться будет неоткуда. «И если хорошо урядишь свое царство — будешь сыном света и жителем горнего Иерусалима, и как выше тебе написал, так и теперь говорю: храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать»¹⁵.

Такова была абсолютно трагическая идеология, предложенная Филофеем Московскому князю. Но его схема была принята, хоть и не сразу, ибо родство с Римом московские цари любили подчеркивать, тем самым утверждая свое превосходство над современными им западными государями. «Мы от Августа Кесаря родством ведемся»¹⁶, — самодовольно писал Иван Грозный шведскому королю Юхану III.

До этого же было следующее. Идея о России как центре и хранителе всего христианского мира зазвучала не только в Пскове для Москвы, но и в городе, который резонно полагал себя отцом русских городов, городе с иной, немосковской политической структурой — в республиканском Великом Новгороде, своего рода пра-Петербурге. Здесь не Москва, а вся Русская земля называется третьим Римом. Это говорит о серьезных сдвигах в восприятии русскими людьми геополитической картины мира того времени, которая не вызывала радужных настроений. Новгород поэтому говорит о том же самом, что и Москва: «Ибо древний Рим отпал от христианской веры по гордости и своевольству, в новом же Риме — в Константинополе, притеснением мусульманским христианская вера погибнет также. И только в третьем Риме, то есть на Русской земле, благодать святого духа воссияет. Так знай же, Филофей (константинопольский Патриарх. — В.К.; совпадение с именем старца Елиазарьевского монастыря кричащее и вряд ли случайное. — В.К), что все христианские царства придут к своему концу и сойдутся в едином царстве русском на благо всего православия»¹⁷. Любопытно, что весть эту приносят Патриарху Филофею первый римский «папа Селивестр» (еще хороший, признаваемый православием), ибо крестил императора Константина, и сам «благочестивый царь Константин Римский»¹⁸, что говорит не только о религиозной благодати Русской земли, но и о ее грядущем имперском значении. Поэтому Петр выразил своим деянием — построением Санкт-Петербурга с ориентацией на Рим, город Святого Петра — как бы умонастроение не собственно московское, а всей Русской земли, которая жила этим чувством и помимо Москвы.

Иван Грозный мог опираться на представление о себе как Рюриковиче, возводя свое происхождение к римским цезарям. «Люди Сред-

невековья представляли себе мировую политическую систему в виде империи со строгой иерархией. Королевства и княжества, составлявшие эту иерархию, занимали разные ее ступени. Принадлежность к единой христианской империи определяла харизматический характер власти монархов, нередко подкреплявшейся ссылкой на некое символическое родство с императорской фамилией. В Московской Руси широкое распространение получила легенда о римских предках царя. В XVI в. много сотен русских князей вели свой род от Рюрика, но лишь Иван IV раздвинул рамки генеалогического мифа и выступил с претензией на родство через Рюрика с римскими цезарями»¹⁹. Петр на такой запас исторической легитимности не претендовал. Хотя уж легитимнее его в тот момент в царской семье не было никого. Можно сколь угодно долго спорить, как было бы по-другому и хорошо без Петра Первого, но штука в том, что если даже стоять на законных нормах Московского царства, то **Петр — единственный законный наследник престола**: Федор умер, Иван был слабоумным, что понимали все, Софья в московской системе ценностей царицей стать не могла (не женское тогда это было дело), и только в постпетровское время появились императрицы. Кроме Петра кто бы законно взялся управлять Россией? Вариантов не было. Так что и спорить не о чем. А уж путь, им избранный, был путем законного правителя России.

Надо сказать, что к тому моменту и гордое самоименование Москвы «третьим Римом» из летописной публицистики практически ушло. Это именование оставалось достоянием лишь церковной литературы. В своей обстоятельной книге «Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции» (1998) Н.В. Сеницына писала о том, что, пожалуй, самой важной вехой в истории идеи была эпоха учреждения патриаршества. Уложенная грамота Московского поместного Собора 1589 года, будучи памятником древнерусского канонического права, закрепила на историко-каноническом уровне определение «третьего Рима». В грамоте Московского собора 1589 года формула «третьего Рима» была изложена от лица константинопольского Патриарха Иеремии II: «Твое же, о благочестивый царю, великое Российское царствие, третий Рим, благочестием всех превзыде».

Надо сказать, что для сугубо исторического взгляда на ситуацию, влияние текста Филофея на русские идеологические построения представляется нелепым. Ведь лишь в XIX веке начинается научное изучение идеи. Впервые послания старца Филофея были опубликованы в «Православном собеседнике» в 1861–1863 годах, тогда-то о них узнала образованная публика. Но идеи имеют другую жизнь, нежели исторические документы. Церковная православная мысль была в каком-то смысле хранилищем основных архетипических смыслов русской культуры. Время от времени эти смыслы выходили на поверхность.

Параллель Петра Первого с Константином Великим это именование оживило, наполнив его новым смыслом. Петр совершил нечто *по замыслу* не менее грандиозное, чем император Константин. «Стоял он, дум великих полн», — написал Пушкин. Петр становится русским императором, уже этим именованием объявляя себя наследником римской властной структуры. Европа потрясена и шокирована. Но Петр имеет план, его замах грандиозен, замах, рожденный великой думой. И грандиозность его замысла проявилась — в том числе — и в строительстве новой столицы, которая не просто стала ближе к Европе, нет, замысел Преобразователя значительнее. «Семиотическая соотношенность с идеей “Москва — третий Рим” неожиданно открывается в некоторых аспектах строительства Петербурга и перенесения в него столицы. Из двух путей — столицы как средоточия святости и столицы, осененной тенью императорского Рима, — Петр избрал второй. Ориентация на Рим, минуя Византию, естественно ставила вопрос о соперничестве за право исторического наследства с Римом католическим. <...> В этом новом контексте наименование новой столицы Градом Святого Петра неизбежно ассоциировалось не только с прославлением небесного покровителя Петра Первого, но и с представлением о Петербурге как о Новом Риме. Эта ориентация на Рим проявляется не только в названии столицы, но и в ее гербе: <...> герб Петербурга содержит в себе трансформированные мотивы герба города Рима <...> и это, конечно, не могло быть случайным»²⁰. Скорее всего, Петр не знал, во всяком случае, не задумывался об идеологеме

«Москва — третий Рим». Но реально он ориентировал новую столицу на первый Рим и в этом контексте совсем не рассматривая Москву как соперницу первого и второго Рима. Не очень понятно, осознавал ли Петр геополитическое значение своего шага, которое внятно его потомкам. Но очевидно, что в противовес Константину Великому, сделавшему строительством Константинополя шаг с Запада на Восток, Петр шагает с Востока на Запад. И его Петербург заново структурирует Европу.

Уход от Московского царства, заявление Петра, когда ему поднесли титул императора, что Россия не будет очередной Византией, павшей от собственной слабости и ничтожества, свидетельствуют о некоем сознательном историческом выборе Преобразователем новой ориентации в историческом и геополитическом пространстве: «Должно всеми силами благодарить Бога, но, надеясь на мир, не ослабевать в военном деле, дабы не иметь жребия монархии Греческой; *надлежит стараться о пользе общей, являемой Богом нам очевидно внутри и вне, от чего народ получит облегчение*»²¹ (курсив мой. — В.К.). До националистического переворота Николая I все идейно-политические установки Петра сохраняли свою жизненность. Любопытно отметить, что, принимая титул императора, Петр не только указывал на свою европейскую ориентацию, но и демонстрировал отход как от византийского, так и от татарского наследия.

Впервые на русском престоле оказался владык не менее подлинной, чем «первый Рим», империи, ибо «второй Рим» был обломком «первого», восточной его частью, а «третий» — тщеславный миф и неоправдавшаяся надежда русских книжников быть главными хранителями и защитниками христианства. Они остались чужды европейскому христианству, европейскому миру, а стало быть, и в скором времени отодвинули идею «третьего Рима» в область национального мифа, тешащего самолюбие и гордость. Петр — практик, принимающий все всерьез и через деятельность, человек, способный строить, владеть и организовывать жизнь, законодательствовать. А идея Рима — владычество над миром и организация всей европейской Ойкумены.

Таким образом, чисто религиозная идея забота, про Филофея никто не вспоминает, но те-

мы геополитические и религиозные остаются. Москва не третий Рим, Россия не третий Рим, Петр строит новую «Римскую империю», точнее — Русскую империю, но с ориентацией на первый Рим. И религиозные мотивы Филофея, как я уже поминал, связаны не с идеей третьего Рима, а с общехристианским мотивом покаяния.

Интересно, что Москва в русской публицистике XIX века хотя и противопоставлялась Петербургу, но вовсе не в контексте идеологии третьего Рима. Так, великий славянофил и религиозный мыслитель Алексей Хомяков в 1844 г. бранит «двоедушие Москвы», призывая Русь к покаянию, не вспоминая или не думая, даже не зная о ней как о «третьем Риме»:

*За рабство вековому плену,
За робость пред мечом Литвы,
За Новград и его измену,
За двоедушие Москвы;
За стыд и скорбь святой царицы,
За узаконенный разврат,
За грех царя-святоубийцы,
За разорённый Новоград;
За клевету на Годунова,
За смерть и стыд его детей,
За Тушино, за Ляпунова,
За пьянство бешеных страстей,
За сон умов, за хлад сердец,
За гордость тёмного незнания,
За плен народа, наконец,
.....
За всё, за всякие страданья,
За всякий погранный закон,
За тёмные отцов деянья,
За тёмный грех своих времён,
Пред Богом благости и сил
Молитесь, плача и рыдая,
Чтоб Он простил, чтоб Он простил!*

И только в середине XIX в., после публикации писем Филофея, эта идея превращается в миф, который оказался удобным для журнально-общественной полемики. Скажем, для Владимира Соловьева был внятен мистический смысл мифа. В стихотворении «Панмонголизм» мыслитель ставит вопрос о достойном существовании России — с явным движением мысли в сторону реформ Петра, императора, пытав-

шегося преодолеть византийское наследство и найти контакт с католическим Римом.

*Судьбою павшей Византии
Мы научиться не хотим,
И всё твердят льстецы России:
Ты — третий Рим, ты — третий Рим.*

*Пусть так! Орудий Божьей кары
Запас еще не истощен.
Готовит новые удары
Рой пробудившихся племен.*

*О Русь! забудь былую славу:
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.*

*Смирится в трепете и страхе,
Кто мог завет любви забыть...
И третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть...*

После революции поэт и писатель Георгий Иванов написал роман о распаде Российской империи под названием «Гибель третьего Рима».

Поразительным образом миф «Москва — третий Рим» вспыхнул снова и весьма ярко после большевистской революции и создания III Интернационала. Это стало темой русской эмиграции. Один из самых чутких к историческим движениям идей мыслитель (я имею в виду Бердяева) в 1938 г. написал: «Доктрина о Москве как третьем Риме стала идеологическим базисом образования Московского царства. Царство собиралось и оформлялось под символикой мессианской идеи». Однако, как писали русские историки, ничего подобного не было. Николай Бердяев опирался, конечно, на прочтение формулы Филофея русскими публицистами девятнадцатого века. Поэтому и писал он текст, где точные наблюдения переплетались с фантазией: «Искание царства, истинного царства, характерно для русского народа на протяжении всей его истории. Принадлежность к русскому царству определялась исповеданием истинной, православной веры. Совершенно также и принадлежность к советской России, к русскому коммунистическо-

му царству будет определяться исповеданием ортодоксально-коммунистической веры. Под символикой мессианской идеи Москвы — третьего Рима произошла острая национализация церкви. Религиозное и национальное в Московском царстве так же между собой срослось, как в сознании древнееврейского народа. И так же как юдаизму свойственно было мессианское сознание, оно свойственно было русскому православию»²². Федор Степун в статье 1960 г. «Москва — третий Рим» подвел итоги возникшей после победы СССР во Второй мировой войне (как это чувствовалось русскими эмигрантами) полемики в связи с претензией Сталина на мировое господство: «Если не ошибаюсь, Бердяев первый, правда, мимоходом, как это он часто делал, бросил мысль, что за большевизмом стоит идея третьего Рима. Федотов в своей статье “Россия и свобода” в известном смысле присоединяется к этому мнению. С легкой руки религиозных мыслителей эту тему адаптировали социал-демократы Р.А.Абрамович, С.М.Шварц, Б.И.Николаевский, Е.Юрьевский и использовали ее в интересах защиты дорогого их сердцу марксизма от “азиатского социализма” большевиков. <...> С опровержением этих авторов выступил Н.И.Ульянов. В большой обстоятельной статье он подтвердил известную истину, что учение инок Филофея о Москве как о третьем Риме не имело ничего общего с националистическим посягательством на завоевание мира, что оно, связанное с ожиданием конца мира, было ему внушено заботой о духовном состоянии русского народа и носило скорее эсхатологический, чем империалистический характер»²³. Именно об этом и впрямь писал Н.И. Ульянов в уже цитированной мною статье 1956 г.: «Объявление Москвы третьим Римом означало такое же избавление от апокалиптического страха, как учение Августина о граде Божием, грядущем на смену Риму, как высказывания византийских авторов о священной миссии Царьграда. “Музыка Филофея” меньше всего походила на марш Буденного»²⁴.

Следом за Ульяновым опровержение связи идеи Филофея с попыткой коммунистического мирового господства дала Н.В. Синицына, за нею Маршалл По, еще раз показавший, что тексты Филофея были прочитаны образованной русской публикой лишь во второй поло-

вине XIX столетия. Заметив, что в культурах важную роль играют «осевые моменты», как он перефразировал введенное Карлом Ясперсом понятие «осевого времени», определяющего дальнейшую жизнь народов, он тем не менее призвал не преувеличивать их роль: «Российская история дает превосходный пример того, к чему приводит неумеренное обращение к логике “осевых моментов”. Несомненно, формирование доктрины “Москва — Третий Рим” — это один из самых известных и неверно истолкованных эпизодов российской истории. Уже более столетия рождение доктрины “Третьего Рима” описывали и описывают в монографиях, обзорах и популярной литературе как фундаментальный перелом в исторической эволюции России»²⁵. Конечно, можно сказать, что Филофей вовсе так не думал, не думал, будто он сочиняет культурно-политическую идеологию России. Это уже приобретение последующего развития русской мысли. Однако упорное бытование этой идеи в русской ментальности, в русской публицистике говорит о том, что однажды брошенное слово прорастает самым неожиданным образом. Напомню строчки Тютчева: «Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется».

Канул в Лету формулы Вл. Соловьева, призывавшего к нравственной политике, ушли в прошлое параллели между Третьим Интернационалом и Третьим Римом, кончился большевизм, нынешние националисты и коммунисты порою вспоминают этот миф, однако не живут им. Но это ничего не значит. Раз возникнув, миф не исчезает из культуры. Выйдя из активной позиции, миф «Москва — третий Рим» не исчез, не растворился, он тлеет в культурной почве, как огонь в торфянике, — до первой жары и сильного ветра. Так до сей поры в Германии тлеет под спудом миф «крови и почвы», в США — миф фронта, в Великобритании — бремя белого человека. Не могу не привести в заключение верную, на мой взгляд, мысль Н. Бердяева: «Коллективные массовые движения всегда вдохновлялись мифологией, а не наукой»²⁶. Об этом следовало бы помнить всем, кто восторгается мифом как смыслом человеческого бытия. Результаты мифологизации жизни чаще всего катастрофичны. Разумеется, Филофей в этом не виноват.

Примечания

¹ Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х т. Т. 3. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 43.

² Там же. С. 46.

³ Ульянов Н.И. Комплекс Филофея // Вопросы истории. 1994, № 4. С. 154.

⁴ Киселева М.С. Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности. М.: Индрик, 2000. С. 165–168.

⁵ Послания старца Филофея // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М.: Художественная литература, 1984. С. 437.

⁶ Там же. С. 449.

⁷ Ульянов Н.И. Комплекс Филофея. С. 158.

⁸ Послания старца Филофея. С. 438–439.

⁹ Там же. С. 439

¹⁰ Там же.

¹¹ Катков Михаил. Неправильности в положении православной церкви и православного духовенства в России // Катков Михаил. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 419.

¹² Там же. С. 415–416.

¹³ Катков Михаил. Необходимость уничтожения касты в православном духовенстве // Там же. С. 424.

¹⁴ Там же. С. 439.

¹⁵ Послания старца Филофея. С. 441.

¹⁶ Послания Ивана Грозного // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI века. М.: Художественная литература, 1986. С. 136

¹⁷ Повесть о новгородском белом клобуке // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. М.: Художественная литература, 1985. С. 225.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Скрынников Р.Г. Третий Рим. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 87.

²⁰ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого // Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3-х т. Т. III. С. 205.

²¹ Петр Великий в его изречениях. М.: Худож. литература. 1991. С. 88.

²² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 9–10.

²³ Степун Ф.А. Москва — третий Рим // Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 600.

²⁴ Ульянов Н.И. Комплекс Филофея. С. 154.

²⁵ Маршалл По. Изобретение концепции «Москва — третий Рим». // Ab imperio. 2000. № 2. С. 62.

²⁶ Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире // Бердяев Н.А. Дух и реальность. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. С. 207. ■

ПОЗИЦИЯ ПАПЫ БЕНЕДИКТА XVI:

свобода религии и «религия прогресса»

Вероника ЯЗЬКОВА

Критика либерализма и его достижений принесла папе Бенедикту XVI славу консерватора, «жесткого адепта веры»¹, по крайней мере, в сравнении со своим предшественником — папой Иоанном Павлом II.

Однако что лежит в основе этой критики? В чём причины неприязни папой Ратцингером либеральной секулярности Запада? Думается, что ответ на этот вопрос следует искать в истории и характере взаимоотношений церкви и государства в период объединения Италии.